

С. Н. Соколова¹

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ И ТРАНСЛЯТОР НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ

Актуальной проблемой нашего времени становится понимание причин переживаемого российским обществом кризиса ценностно-нормативных оснований и выработка условий духовно-нравственного исцеления общества. Ключевые ресурсы корректировки стратегии культурного развития и выработки сценариев будущего содержат тексты гуманитарной культуры, хранящие исторически устойчивый образ Русского мира. Тексты культуры не только являют нам рациональную версию истины, но и производят ценности и смыслы, оформляя и конституируя социально-культурную практику (А. П. Марков). В работах Н. Данилевского, Ф. Достоевского, Вл. Соловьева, Вяч. Иванова, П. Флоренского, П. Сорокина, Д. Лихачева и многих других отечественных гуманитариев дана характеристика духовной уникальности русской культуры, раскрыты ценностно-нормативные и ментальные особенности, содержатся ответы на острейшие проблемы и вызовы времени, показаны те границы, которые превращают культуру в систему духовного и душевного регресса человека. Но для превращения человекотворческого потенциала отечественной гуманитарной мысли в реальный фактор культурной политики необходимо обновить смысловые поля интеллектуального наследия в контексте сегодняшних проблем.

Универсальное хранилище национальной уникальности и духовного опыта народа — это художественные тексты, которые являются «идеальной формой с точки зрения закрепления, хранения, накопления, трансляции и трансформации социального и духовного опыта, уникальным способом обеспечения исторической преемственности как на уровне индивидуального человеческого бытия, так и на уровне исторического бытия социального организма»². «Являясь продуктом самосознания, художественные тексты выполняют функцию рефлексии жизни на уровне ее образов, смыслов, ценностей, норм и целей. Они потенциально содержат в себе совокупность смыслов человеческой жизни»³.

¹ Декан факультета искусств СПбГУП, член Ученого и Методического советов СПбГУП, кандидат культурологии, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 48 научных работ, в т. ч.: «Выразительные средства действия в искусстве художественного слова», «Внутренний монолог как прием проникновения в психологию действующего лица художественного произведения», «Постижение авторского замысла литературно-художественного произведения: от идейно-тематического анализа к сценической реализации» (в соавт.), «Размышления на тему педагогической этики» и др. Член Союза театральных деятелей РФ. Награждена медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга», Почетными грамотами Ленинградской федерации профсоюзов и Общероссийского профсоюза работников культуры, отмечена Благодарностью Министерства науки и высшего образования РФ.

² Фазыльязнова Г. И. Художественный текст как объект понимания // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. Вып. 7 (63). С. 419.

³ Шамсутдинова Д. В., Турханова Р. И. Социально-интегрирующие возможности художественной культуры как проблема пе-

«Смыслоориентационные возможности художественной культуры заключаются в том, что текст позволяет увидеть жизнь как целостную или дифференцированную реальность, распознать, понять и принять образ жизни, оценить и уточнить значение жизненных явлений, согласовать свое поведение с социальными нормами, адекватно определить направленность и характер действий по достижению лично значимых результатов»⁴.

Индивидуализирующая функция художественного текста проявляется в его «способности обеспечить человеку понимание и ощущение собственной уникальности, обрести свое призвание»⁵. Художественные образы способны консолидировать людей вокруг культурной оси, которая протянулась из прошлого в настоящее, сплавляя людей на единой для данного этноса культурной основе. В текстах как результатах творческого процесса заключена человеческая душа, и она оживает, когда их читают.

Художественный текст — результат целостного постижения истины, взаимодополнения рациональных методов и интуиции, возможностей разума и энергий души. Познать разумом — значит «опознать противоречие», уразуметь сердцем — значит «понять всецело». Целостное познание мира происходит в результате «пресуществления человека», его целостного приобщения к бытию⁶. Глубинное познание предполагает *душевное участие* субъекта. «Реальность как таковая, во всей своей полноте и широте, как бы *проступает* в непосредственном бытии — другими словами, что „душа“ и в направлении „во-внутрь“ или „вглубь“ именно *не заперта*, а, напротив, открыта. „Душа“ не только в себе самой, в своей собственной стихии, то есть в своей субъективности безгранична и потенциально бесконечна, но ее бесконечность вместе с тем такова, что в своем глубинном слое душа, как бы выходя за пределы самой себя, соприкасается с чем-то иным, чем она сама, или что-то „иное“ проникает в нее и тем открывает себя ей»⁷. Искусство выступает важнейшим способом освоения мира, инструментом культуры, с помощью которого человек воспроизводит самого себя в реальной целостности своего природно-социально-культурного существования, расширяет свое жизненное пространство, дополняя свой реальный жизненный опыт духовными открытиями. Художественная деятельность дарует «опыт видения неких бездонных глубин, непроницаемых для логической мысли»⁸.

дагогической науки // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1. С. 73–74.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Там же.

⁶ См.: Флоренский П. Столп и утверждение истины : в 2 т. М. : Правда, 1990. Т. 1, ч. 2. С. 157, 162, 505, 535.

⁷ Франк С. Л. Сочинения. М. : Правда, 1999. С. 391.

⁸ Там же.

Однако культуротворческий потенциал отечественных художественных текстов практически не востребован ключевыми социально-культурными институтами постсоветской России.

Во-первых, художественный текст как феномен гуманитарной культуры «в философско-герменевтическом измерении представляет собой сложный объект, содержащий потенциально бесконечный объем смыслов, актуализирующихся в субъективном пространстве мыследеятельности субъекта определенной эпохи и культуры»¹. Образно-символическая основа художественного текста ускользает от рациональной интерпретации — она должна быть принята душевными энергиями личности, пережита ею в контексте собственной биографии. Жизнь — это мысли, чувства, желания, это духовный процесс, который нельзя понять умом. Главное — внутренний психологический опыт, интуитивное переживание фактов сознания. «В процессе духовного диалога человек отождествляет себя с образом — персонифицированным носителем ценности, — стремится достичь с ним духовной общности»².

Во-вторых, потенциалы художественной культуры не всегда востребуются в полной мере в силу объективного противоречия между огромным смысловым потенциалом творений искусства и ограниченностью «культуры рефлексии» современной молодежи рациональными методами анализа текста. Г. И. Фазылынова пишет, что «понимание и актуализация смыслов художественного текста — необыкновенно сложная технология, владеть которой должны прежде всего специалисты, использующие художественные тексты как исходный материал в своей работе»³. К сожалению, смысловые глубины художественных произведений, как правило, недоступны студентам, привыкшим воспринимать их на уровне сюжета. В результате линейная событийность (пришел, ушел, сказал, ответил) является своеобразным препятствием к осмыслению душевных переживаний и поведенческих мотиваций. Опыт работы со студентами (будущими актерами, режиссерами, искусствоведами, журналистами) показывает, что проблема понимания текстов культуры, прежде всего художественных, возникает в связи с тем, что школьные программы акцентируют внимание не столько на понимании, сколько на формальном освоении фабулы произведения⁴.

В-третьих, значимым фактором слабой востребованности конструктивных ресурсов художественных текстов является сегодняшний этап развития культуры, который отечественные и европейские гуманитарии фиксируют как эпоху заката логоцентричной культуры, разрушения онтологического статуса слова как прямого «„глагола действительности“, открывающего и рождающего бытие»⁵. «Нынешний кризис — это не кризис отдельных обществ, а всей макрокультурной системы, пришедшей в I тыс. до н. э. на смену Древнему миру, и которую уместно назвать логоцентрической. <...> Мир, в котором сакрализованное Слово/Логос служило духовным Абсолютом и источником реальности, распадается. Слово исчерпало свои культуротворческие возможности, и постмодерн подвел под него черту. Слово, погружаясь в энтропию релятивизма, более не является ни двигателем культурной динамики, ни маской самой Культуры. Логоцентрические дискурсы, от книжной культуры в целом, до религии, философии, науки и искусства, отмирают или маргинализуются»⁶.

Востребованность культуросозидательных и человекотворческих ресурсов художественных текстов предполагает реабилитацию традиций подлинного, целостного понимания текстов культуры. Эту задачу может и должно решить гуманитарное образование, способное придать духовно-нравственный смысл технологическим аспектам профессиональной деятельности специалиста, сформировать у молодого поколения универсальные мыслительные техники, синтезирующие рациональные ресурсы личности и ее душевные энергии — ответственность, веру, любовь. Гуманитарный блок дисциплин должен стать зеркалом, отражающим национально-культурную самобытность. Результатом подлинного понимания гуманитарного текста является перевод исторических голосов в явление живой культуры, формирование сопричастности будущих специалистов «духовным поискам предшественников, которые обнаруживают в сегодняшнем социально-культурном контексте огромную смысловую глубину и актуальность»⁷. Гуманитарные тексты, хранящие сущностные вопросы и ответы на вызовы времени, в сложные для общества периоды становятся ключевым ресурсом проектирования оптимальных моделей преобразований, предпосылкой понимания проблем и перспектив развития культурной жизни, выстраивания так необходимых современному обществу духовных вех и опор.

¹ Фазылынова Г. И. Указ. соч. С. 418.

² Там же. С. 420.

³ Там же. С. 417.

⁴ Там же.

⁵ Марков А. П. Метафизика инверсии культурно-антропологических матриц европейской цивилизации // Вестник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. 2017. № 40. С. 42.

⁶ Пелипенко А. Русская матрица: последний путь // Острог: альманах. 2017. № 14. С. 15.

⁷ Марков А. П. П. Сорокин и культурологические модели грядущего жизнеустройства России // Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени: междунар. науч. симпоз., посвящ. 110-летию со дня рождения Питирима Сорокина. М.: СПб.: СПбГУП, 1999. С. 120.